

**УКРАИНСКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА
В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ А.И. КУПРИНА**

У статті проаналізовано українську лінгвокультуру, яка є наявною в літературно-художній творчості О.І. Купріна. Авторська методика використання інокультурного лінгвокомпонента розглядається як складова частина змісту твору і як своєрідна риса стилю письменника.

Ключові слова: російський художній дискурс, індивідуально-авторська письменницька техніка, інокультурний лінгвокомпонент, українська лінгвокультура.

В статті проаналізована українська лінгвокультура, представлена на сторінках літературно-художественного творчества А.И. Куприна. Авторская методика использования инокультурного лингвокомпонента рассматривается как составляющая часть содержания произведения и как своеобразная черта стиля писателя.

Ключевые слова: русский художественный дискурс, индивидуально-авторская писательская манера, инокультурный лингвокомпонент, украинская лінгвокультура.

The article deals with Ukrainian linguo-culture that is proper of Kuprin's literary discourse. The author's methodology in using those language components that pertain to a different culture is considered, Kuprin's style is also regarded.

Key words: Russian literary discourse, individual authorial writing skill, allo-cultural language component, Ukrainian linguo-culture.

Жизнь и творчество одного из крупнейших русских писателей Александра Ивановича Куприна (1870 – 1938) в значительной мере связаны с Украиной. Литературный классик, родившийся в России, живший в западноевропейской эмиграции, завершивший свою судьбу в совершенно новой для него отчизне, советской, проходил свое становление как личность и в украинской среде, где накапливал жизненный опыт и формировал писательские взгляды в самые значимые возрастные годы.

С юности судьба определила А.И. Куприна на долгое пребывание в украинском крае: в Проскурове (ныне город Хмельницкий) и Волочиске Виленской губернии (ныне Хмельницкая область) протекла короткая военная служба выпускника Александровского пехотного училища, а с 1894 года Александр Куприн жил в Киеве, на протяжении многих лет путешествовал по украинским селам и городам, работал в Одессе, на Черноморье, Донбассе, Волини. А. Куприн заявил о себе как о профессиональном писателе в Киеве, его произведения печатались в киевских газетах «Жизнь и искусство», «Киевлянин», «Киевское слово», в ряде других украинских изданий – житомирской «Волини», «Одесских новостях». В Киеве вышла в свет первая книга А. Куприна «Киевские типы», а за годы жизни в Украине (1894 – 1901) созданы наиболее известные произведения.

Покидая Украину, писатель запечатлел в своей памяти «мазаные белянькие хатки, вишневые садочки, ветряки, круторогих волов в упряжках, дивчин в запасах и плах-

тах», творческое воображение А. Куприна не раз воскрешает и трансформирует украинские образы в период его литературной деятельности в России (например, рассказы «С улицы», 1904, «Черный туман. Петербургский случай», 1905) [6: 5, 45].

Особенности южного ландшафта, украинский быт, люди, их нравы, исторические факты и события послужили А. Куприну богатым материалом для творчества, обозначили его художественную направленность: это поэзия полесской природы и лесной охоты, полесские легенды, картины жизни крестьянства, военной службы украинцев в русской царской армии, мозаика городской действительности. С проницательностью талантливого художника А. Куприн рисует украинские образы, подмечая своеобразие в речи, характере, мировосприятии, одежде, обрядах. Украинский компонент различного языкового уровня и статуса номинирования служит средством выражения авторских идейных замыслов и реализует художественные принципы.

Украинские контекстуальные заимствования в наибольшей степени присутствуют в прямой речи, в той части художественного текста, где количество иноязычных элементов может не иметь рамок ограничения и восприниматься естественно (изъяснение представителей иной лингвокультуры, и в данном случае – близкородственной, на родном языке). Повествующий персонаж-украинец активно использует единицы всех частей речи, грамматические формы, синтаксические конструкции родного языка, представляя (зачастую русскоязычному действующему лицу) свою культуру, национальный тип мышления, вырисовывая свою характерную сущность.

Диалог носителей родственных, но в то же время отличных друг от друга языков, отражает совпадение или различность формального облика наименований сходного понятия, а также национальные особенности восприятия жизненных реалий, что воплощено в словесном знаке. В прямой речи лексические украинизмы сближаются по функциям и способам введения в текст с вкраплениями, однако благодаря этимологической общности двух восточнославянских языков их лексико-семантическая структура в большинстве случаев остается очевидной для русскоязычного адресата (читателя или поддерживающего диалог русскоязычного коммуниканта – персонажа повести и рассказа).

Состав лексических украинизмов значителен и разнообразен по тематическим классам, грамматическим категориям и представляет интерес относительно степени знакомства А. Куприна с лингвокультурой украинского народа – писателя, не рожденного в Украине и не билингва (каким, например, являлся В.Г. Короленко). С позиций авторского освоения и восприятия украинского языка, отбора номинаций (очевидно, что за прямой речью персонажей находится А. Куприн), украинский языковой компонент в творчестве писателя выступает как наиболее яркий и специфичный (по формальному облику, семантическому наполнению), служащий идеальным средством художественной выразительности.

Произведения, насыщенные прямой украинской речью, различны по композиции, жанру, тематике. Это рассказы «Лесная глушь», «На глухарей», повесть «Конокрадь», знакомящие с украинской деревенской реальностью, повесть «Олеся», в которой анализ украинского языкового материала позволяет по-иному взглянуть на ее уникальность, рассказ «Серебряный волк», основанный на полесской легенде, повесть «Поединок» и рассказ «Поход», передающие впечатления А. Куприна от военной службы на территории Украины, рассказ «Как я был актером» – автобиографическое произведение на тему

жизни в городе Сумы, рассказ «Черный туман», повествующий о судьбе украинцев в дореволюционной России, и другие.

Классифицируя «ментальный лексикон» действующих лиц – выходцев из Украины, т. е. совокупность лексических единиц, репрезентированных в сознании говорящих (информация о слове на всех языковых уровнях, отражение грамматических правил и т. д.) [1: 381–382], можно выделить типичные по употреблению лексико-тематические группы существительных, единицы различных грамматических категорий и языковых уровней, которые, по художественному замыслу автора, полностью погружают инокультурного адресата в украинское языковое пространство и, соответственно, в основные сферы национальной среды. Украинские языковые элементы, функционирующие в художественном тексте А. Куприна, характеризуются функционально-стилистическим расслоением.

Значительную группу используемых в прямой речи украинизмов формируют имена существительные, которые номинируют:

лица (по степени родства, возрастному признаку, по социальному статусу, роду занятий, по национальности или месту проживания и др.), деятелей различной классификации (*чоловик* / в значениях «муж» и «мужчина», *жінка* / в значении «жена», *батько, тато, доня, родич; дитина, дівчина, молодица, хлопчик, хлопець, дядько, капшук* / перен. «малыш», шутил.-разг. «карапуз, пузырь»; *наймит, бидака* / «бедняк», *пан; коваль, корчмарь, шинкарь, посесор, москаль* / в значении «солдат, военнослужащий», *казак* / «служилый воин, войсковой обыватель»; *кацап, москаль* / в значении «русский», *полещук* / «житель Полесья»; *человяка, сокотуха* / «болтуня», *ворожка* / «гадалка»; *ведьмака, курва, дурень, лайдак, злодий, шібеник* / уст., разг. «разбойник, головорез», бран. «висельник»);

понятия, характеризующие физический облик человека (*очи, потылиця, пыка* / вульг. «рожа, морда»);

предметы или детали одежды, украшения (*чемерка* / «верхняя мужская одежда с талией и сборками сзади; венгерка», *штанцы, камизелька* / «женский жилет», *спідниця* / «юбка», *хустка* / «платок», *комір* / «воротник», *кишеня* / «карман», *намисто* / «ожерелье; бусы»);

военные принадлежности (*рушниця, шабляка*);

общественно-исторические реалии (*громада*);

государства (*Туреччина*);

понятия, относящиеся к времяисчислению (*роки*);

денежные знаки (*грóші* / «деньги», *карбованец*);

предметы корчмы, продукты (*посуд, пляшка, пляшечка, склянка, чарка, горилка, старка, сливянка, сливовица, цибуля, цукор*);

абстрактные понятия, явления, состояния и т. под. (*думка, журьба, свичай, шкóда* / в значении «вред», *шваря* / «ссора», *забубón* / «предрассудок, суеверие, поверье», *гармидер, гвалт, марá* / «призрак, видение», *тряся, шматок, жменя* / «горсть», *кубло* / «гнездо» и «логово», *серéдина*);

заведения, бытовые объекты (*бурса* / «духовная семинария на казенном содержании», *буцьгарня* / «арестантская, каталажка, холодная», *хата, корчма, млын, криница*);

предметы быта (*секира* / «топор», *батог* / «кнут; плетка», *драбина* / «лестница; стремянка» и «перекладина в телеге, арбе, изгороди», *квач*);

природно-бытийные реалии, в том числе птиц, рыб, домашнюю живность (*местечко*, *шлях* / «большая дорога», *садок*, *став* / «пруд», *ривчак* / «ручеек», *багно*, *калюжа*; *жито*; *суша* / «засуха», *завируха*, *блискавица* / «молния», *зиронька*, *хмара*; обобщающие: *птаха* / *птаха*, *пташка*, разновидности: *бузько* / «аист», *канюка* / «сарыч», *кныга* / «чайка», *крук* / «ворон», *тетерук* / «тетерев, косач», *шуляк* («шулика») / «коршун»; *щулак* / «щука» или обобщ. «речная, хищная рыба»; *шпак* / перен., диал. «конь темносерой масти», *муцик* / перен., диал. «маленький конь с косматой головой, спутанной гривой», обобщ. *худоба*).

Помимо фиксации многозначных лексем (например, *чоловик*, *москаль*), иллюстративном раскрытии их семантики, действенный словарь А. Куприна представляет в художественном диалоге словообразовательные производные и грамматические формы украинской исторической номинации лица *пан*, имеющей богатый информативный объем [9 (3: 95)]: *паныч*, *панский* / *панський* / *паны*, *пане*, *панычу*, *пани*, *панове*, *панщина*.

Украинские инфинитивы и широко употребляемые в прямой речи другие глагольные формы являются колоритными наименованиями действий и состояний и обладают (в сравнении с тождественными по смыслу русскими номинациями) частично или полностью отличительным формальным и звуковым обликом, дифференциальным статусом активности / периферийности, в ряде случаев дифференциальной акцентуацией при сходной внешней оболочке и сходному внутреннему наполнению; некоторым единицам присуща семантическая дифференциация в отношении лексем с идентичной формальной структурой в русской лингвокультуре (литературно-художественное отражение языковых явлений, обусловленных самостоятельным развитием ветвей восточнославянской группы языков): *бачити*, *забачити* («увидеть»), *дивитися* («смотреть»), *здивитися* («засмотреться»), *балакати*, *забалакати* («–ся»), *казати* («говорить») / *каже*, *говорити* / *говорит*, *отмовляти* («отговаривать»), *пытати* («спрашивать»), *спытати*, *сукати* («звать»), *скричати* («позвать»), *хотити* / *хочу*, *дознатися* («узнать»), *спевати*, *жартувати* («шутить») / *жартував*, *реготати*, *чути* («слышать»), *слухатися*, *ходити*, *злякатися* («испугаться») / *злякався*, *утикати*, *седати*, *примоститися* («устроиться»), *займатися* («заниматься чем-либо»), *робити*, *зробити*, *зробитися*, *наробити*, *поставити*, *траплятися* («случаться») / *трапляється*, *трапляється*, *загубити*, *сховати* («спрятать»), *зачинити* / *незачинивши*, *шукати*, *зажуритися*, *сумувати* («грустить»), *тоскувати* («замерзнуть»), *захолонити* («похолодеть») / *захолот*, *заждати*, *притулити*, *торкнути*, *доторкнутися*, *ворушитися*, *поворухнутися*, *напружитися* («напрячься»), *свертати* («поворачивать»; «повернуть, свернуть куда-либо»), *вертатися* («возвращаться»), *ловити* («поймать»), *народитися*, *ратувати* («спасать; избавлять»), *боронити* («охранять, оберегать; предупреждать что-либо»), *годувати*, *вечеряти*, *частувати* («угощать»), *спати* / *сплят*, *могти* («мочь»), *мусити* («быть должным»), *отчепитися*, *лягати* («ругаться»), *сваритися*, *покарати* («наказать»), *блискати*, *развиднятися*. В тексте рассказа фиксируются причастия: *свячений* («священная хоругва»), *зарученный* («зарученный тлопец»), *призвичайный* («кошка к хате *призвичайна*»), *зроблений* («стрельба / ружье. – Т.П./ настоящая, *зроблена* за Катерину Велькую»).

Не менее обширна группа адективных номинаций, многие из которых (иногда с различным распределением ЛСВ – *добрий*, *великий* или диалектных) служат атрибутами как русских, так и украинских литературных, разговорных и просторечных лексем:

добрый (в значении «хороший»: «*добрая дорога*», «*добрые кони*»), *коханий, любый, великий* (в значении «большой»: «*великий лес*», «*великий плач*», «*великая беда*», «*великое село*»), *гарный* («*гарный хлопец*», «*гарное наместо*»), *гарненский* («*гарненские ножки*»), *сумный* («*сумный казак*»), *шворный* («*проворный*»: «*шворный хлопец*»), *ласый* («*ласая баба*»), *ледаций* («*ледаций чоловік*»), *бисовый* («*бисово кубло*»), *зализный* («*зализна дорога*»), *срибный* («*срибный посуд*»), *товариский* («*товариское дело*»), *подорожний* («*подорожные люди*»), *наймичий* («*наймичья пыка*»), *бисовый* («*бисова дочка*»), *ясновельможный* («*почет малороссийских гетманов или польских панов*: «*ясновельможный пане*»), *чиншевый* (зап. *чини* / «*оброк вольных людей, взнос наследственного арендатора собственнику земли*: «*чиншевые наделы*»), *опушний* («*последний*»: «*опушний раз*»).

Употребление украинских местоимений и наречий (в том числе разговорных или устаревших на данный момент) обеспечивает глубину украинского содержания, определяет достоверность изображения украинской реальности: *яка-сь, якийсь, якая, щось, він, вони, усе, це, той, таке, от, іншіе / иншее, самый, чутно, добре, лепше* («лучше»), *кепсько* («скверно, плохо; худо»), *трошки* («немного, чуть, чуть-чуть», разг. «малость»), *тильки, вельми* («весьма; очень», уст. «премного»), *дуже, ледве* («едва»), *тихесенько, нышком, швидко, скорийше, з́араз* (в значении «в настоящее время») и «без промедления», «*сразу*»), *ра́зом* (врем. «сразу», «мгновенно»), *завше* («всегда»), *коли-николи, ча́сом* («порой; иной раз»), *вже* (в значении наречия), *ще, багато, багацько, бильш, десь, скрізь, напрямкі* («прямоком»), *попереди, сюды, геть / гэть* (при указании на отдаление: рус. «прочь»).

Служебные части речи, вводные, предикативные и разговорные слова, синтаксические элементы и грамматические формы, которые характерны для украинского языка (например, формы обращения, звательного падежа, специфического сочетание противительного союза с усиленной частицей, употребление предлогов, чередование согласных перед гласным переднего ряда при склонении, общие для украинского и русского языков грамматические формы, различающиеся в устной речи ударением и т. д.), представляются гармоничной национальной «отделкой» фраз и выражений: *але, або, бо* («потому что»), *що, щоб, нехай* («чтобы»), *окоче* («когда»), *як, через* («из-за»), *по-под, по-нид, коло* («около, у»); *ось, вже* (в качестве частицы), *так, егеж* (в значении утвердительных частиц), *хиба* («разве; неужели»), *чи* («разве»), *ни; гей; мабуть; гóди, нема, треба; «... — Он, братику, все знает на свете» [1 (2: 139)]; «Правда твоя, чоловіче...» [2 (2: 494)]; «— Тату! Тату! — кричал он еще на ходу» [2 (2: 247)]; «... — Весь твой род не смеет пить воды: а ни из речки, а ни из ривчака» [2 (2: 229)]; «— Грегораш, Скворцов, у круг!» [3 (2: 455)]; «... — За видьм я не знаю»; «Молодежь считала его за казака» [2 (2: 492, 493)]; «... — У бабы заместо души пар, як у собаці» [2 (2: 239)]; «Я ему дока́жу» [2 (2: 221)]; «— В серéдине у меня болит, панычу» [2 (2: 250)]; «Обернулся, крадучись, и видит...» [2 (2: 496)]; «в роте» («во рту»), «вид себе» («от себя»), «все одно» («все равно») и др.*

Отдельные элементы украинской речи, связанные с устно-разговорной и фольклорной стихией (образные выражения пословичного типа, стилистически выразительные образования, фразеологизмы, сравнения, устойчивые поэтические сочетания), используются в художественном тексте в качестве образцов словесного национального богатства. Как и народно-песенные строки, локальные афоризмы или украинские вводные слова, они воспроизводят образ мыслей героев (их позиционирование относительно общества

и природы), экспрессивная сила украинских выражений обогащает русскую литературную речь. Например: «Здоровеньки були с середю!» [1 (2: 305)]; «Щоб вам очи повывлазили!» [1 (2: 141)]; «Однако он сбит с панталыку и, очевидно, сознает себя смешным...» [2 (2: 137)]; «... вона така гарна..., як зиронька ясна» [1 (2: 306)]; «Но Стецько, когда только услышал о свадьбе, так и уперся – “як не наче той вул”» [2 (2: 495)]; «Мы, говорят, с глуду еще не съехали» [3 (2: 125)]; «Ни к чертову батьку не годится» [4 (2: 105)]; «Трясьця ее матери» [2 (2: 257)]; «Нехай мене бог покарает» [3 (2: 228)].

Действующие лица (носители украинской лингвокультуры) нередко легко переходят с русской речи на украинскую и наоборот. Находясь среди русскоязычного социума и общаясь преимущественно по-русски, подобные персонажи (в эмоциональном порыве, для усиления выразительности речи) нет-нет да и употребят родное слово. Украинизмы «прорываются» в русскую речь выходцев из Украины (эмоционально-экспрессивная функция вкраплений). Например: «— Вольный определяющий! Кто же так встает? Если начало вопроса спрашивает, то вставать надо *швидко*, как пружина. Что есть зняма?»; «— А-а-а! – хрипит, стиснув зубы, Шаповаленко. – Ну, что я с тобой, Хлебников, буду делать? Бьюсь, бьюсь я с тобой, а ты совсем как верблюд, только рогов у тебя *нема*. Никакого старания. Стой так до конца словесности столбом» [3 (2: 416–417)]; «... — А мы стоим в наших стойлах, упершись кулаками в бока, и ржем: “Ах вы, идиоты. *Шнаки!* Дррать вас!” И этого жизнь нам никогда не простит...» [3 (2: 532, 496)].

Украинские лексемы, фразеологические конструкции в русской речи представительей простонародья и интеллигенции Украины являются тем языковым средством, которое «переводит» восприятие окружающей среды в иную национально-культурную плоскость.

Формальная связь авторской нейтральной речи с содержанием произведений А. Куприна на тему украинской жизни проявляется в использовании колоритных украинских культурем и лексических украинизмов. Ощущая живописную силу украинского слова, писатель «сохраняет» за традиционно-национальными объектами, явлениями их украинские наименования, позволяя читателю воспринимать предмет, состояние действующих лиц в их реалистической конкретности. Украинский быт интересует А. Куприна всеми своими будничными и локальными явлениями, историческими реалиями, особенностями поведения национальных типов, их обликом, творческой деятельностью, т. е. всем, что входит в общее понятие «культура нации». Литературное воплощение объема писательских наблюдений реализуется через украинские лингвокультурные знаки, что обеспечивает впечатляющий художественный эффект.

Состав украинской лексики в авторской речи тематически и категориально разнообразен и характеризуется различной подачей в тексте. Часть номинаций выделена графически: подчеркивается контекстуальное употребление лексем, их инокультурная принадлежность («*шлях*», «*досвітки*», «*дивчата*», «*дядько*», «*москаль*», «*злюдиш*», «*бисовы сыны*», «*сторонний*», «*бриль*», «*латун*», «*чоботь*», «*кораллы*», «*горилка*», «*гопак*», «*думка*», «*контракты*», «*нышком*», «*с гаком*», «*видтыля*», «*скричать*»). Осуществляется авторский пересказ подмеченных явлений – писатель воспроизводит услышанные им народные предания, легенды. А. Куприн будто «перенимает» язык местных жителей: «Вероятно, он забыл место, но сознаться ему в этом, как старому охотнику... не хочется, и я слышу, как он... ворчит что-то про “*злюдиев*” и “*бисовых сынов*”» [2 (2: 220)]; «Кири-

ла служил “в москалях”, был под Плевной и получил георгиевский крест» [2 (2: 221)]; «А вечером глядишь, он уже и на “досвитках” первый смеется...»; «Да денег с собой принес он сотни четыре “с гаком”, говорил, что накопил на службе» [2 (2: 494–495)]; «Потом где-то близко на “шляху” раздался бешеный топот, и долго было слышно, как на раскатах разбитые в щепки сани колотились о основные корневещища» [2 (2: 497–498)].

Наибольший интерес представляют те украинизмы, которые органически вплетаются в русский дискурс и характеризуются статусом так называемой контекстуально ассимилированной лексики, зачастую нейтральной и в стилистическом плане (*местечко, корчма, шинок, хата, хатка, тополи, дивчата, хлопец, шинок, шинкарь, лирник, очи, свитка, капелюх, старка, чарка, люлька* / в значении «табачная трубка»/, *дрючок* / «дубинка; палка»/, *мазница, дума, думка* / *хохлацкие думки*/, *гопак, сумуваться*). Употребление перечисленных номинаций осуществляется произвольно, без какой-либо акцентуации на «чужеродность» (авторского прямого толкования, визуального выделения в тексте), оно преобразует фразу в картинную и поэтичную. Например: «*Местечко* точно вымерло, даже собаки не лаяли»; «*Тополі, окаймлявшие шоссе, белые, низкие домики с черепичными крышами по сторонам дороги... – все почернело...*»; «Казармы для помещения полка только что начали строить на окраине *местечка*»; «... там и сям возвышались стройные, прямые *тополи* с ветками, молитвенно устремленными вверх, в небо...» [3 (2: 317, 329, 360, 380)]; «Поблагодарив старуху.., я спросил ее, как мне выйти на *шлях*» [2 (2: 263)]; «Он с визгом бросился к отцу на шею и повис на ней, болтая ножками... Все трое пошли в *хату*» [1 (2: 307)]; «Из кустов... шумно вынырнул... неуклюжий с виду мужичонка в рваной коричневой *свитке*. Прямые жесткие волосы падали у него из-под *капелюха* на брови» [3 (2: 113)]; «... в серой двухцветной *свитке*, наполовину черной, наполовину серой, пяtilся церковный староста»; «... в середине пятого часа утра ко мне приходит церковный староста, в смазных сапогах, в разноцветной *свитке*» [4 (2: 717, 719)]; «Назар – младший сын – был *хлопец*, как и все *хлопцы*... Другое дело старший, Стецько... не *хлопец*, а орел... *Дивчата* к нему льнули, как мухи к меду» [2 (2: 493–494)]; «Дальше в этой *думке* рассказывается о том, как турки, не осилив Почаевской лавры приступом, порешили взять ее хитростью» [2 (2: 314)]; «Увидел старый Омельчук, что его сын *сумується*, поговорил со своей старухой, посоветовался с попом и решил женить Стецька» [2 (2: 495)].

Употребление ряда украинских слов в русском художественном тексте на украинскую тематику и непосредственно в авторской речи связано и с трудностями отображения инокультурных реалий посредством подбора различных типов русских номинаций. Проблема заключается «не столько в предметно-логических различиях межъязыковых соответствий слов типа *калина, піч, рушник, тополя* и т. д., сколько в отсутствии у них аналогичных символических функций. Именно символические функции, свойственные украинским вокабулам, делают их скрытыми, или, точнее, ассоциативными реалиями, которые не имеют прямых аналогов в других европейских языках» [7: 190].

Очевидно, что перед писателем, стремящимся максимально точно воспроизвести инокультурную среду (особенно перед тем творцом, который отлично осведомлен в расхождении двух культур, а также двух языковых картин мира), возникает задача, схожая с той, которую ставит перед собой переводчик: сохранить национальные колорит и атмосферу, передать ментальные особенности мировосприятия, заложенные в инокультурный

языковой знак. Доступность содержания при использовании украинского языкового знака (в том случае, когда в тексте А. Куприна избирается такой путь решения проблемы) обеспечивается в большей степени близкородственностью двух языков, тесными межкультурными русско-украинскими связями, в отдельных случаях – авторским толкованием, что является органической составляющей творческого процесса.

Семилетнее пребывание А.И. Куприна в Украине существенно отразилось на его литературном наследии. Произведения русского классика многогранно представляют украинскую культуру с конкретными чертами времени и пространства. Это и образцы стилей украинского языка на рубеже XIX – XX веков, и украинская национально-бытовая традиция, этнографическое богатство, и факты взаимодействия, этимологической близости двух восточнославянских лингвокультур на разных языковых уровнях. Языковая палитра, художественный строй рассказов и повести А. Куприна, знакомящих русскоязычного читателя вербально и вербально-опосредованно с украинской культурой, соотносятся с содержанием этих произведений и определяют эстетическую позицию автора. Украинский языковой материал в творчестве русского писателя – это и элемент поэзии, и способ передачи познавательной информации, идеальное средство воспроизведения истинной панорамы русско-украинских исторических связей. Обращаясь к украинской лингвокультуре, А. Куприн предоставляет ценные сведения для таких смежных дисциплин, как история (затрагивающая и социальный аспект), лексикография, этнография. Манера употребления украинского лингвокомпонента в художественном тексте А. Куприна свидетельствует о глубине и основательности писательского взгляда на наиболее существенные особенности украинских реалий, внутренний мир национальных персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004. – 560 с.
2. Куприн А. И. Собрание сочинений: В 6 т. – М., 1957–1958.
3. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М., Л., 1950–1965.
4. Словник української мови: В 11 т. – К., 1970–1980.
5. Українсько-російський словник: В 6 т. – К., 1953–1963.
6. Фоянкова Н. Н. Куприн в Петербурге – Ленинграде. – Л., 1986. – 239 с.
7. Чередниченко О. І. Про мову і переклад. – К., 2007. – 248 с.